

ЕЛИЗАВЕТА НАЙТ

ПОКРОВИТЕЛЬ
для оторвы

Елизавета Найт

Покровитель для оторвы

<https://litres.ru/74238768>

Аннотация

Знаете, какая самая любимая сказка у детдомовских девочек? Сказка про Золушку. А самая большая мечта? Найти семью! В идеале не просто семью, а любящую и обеспеченную. Вот и я в свои двадцать один год наконец нашла семью, вполне обеспеченную. Правда, с оговорками! В комплекте со стервозной "бабулей" и просто невыносимым по характеру и харизме опекуном... Что еще сказать? Разве только то, что я их совсем немного обманула, назвавшись чужим именем. Да и с опекуном мы уже встречались раньше... **НИКАКИХ ИНЦЕСТОВ ВСЕ ГЕРОИ СОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ ХЭ 18+** Внимание! Данная книга содержит нецензурную брань, сцены эротического характера, распития спиртных напитков и табакокурения.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	20
Глава 3	31
Глава 4	41
Глава 5	50
Глава 6	61
Глава 7	72
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Пролог

НИКАКИХ ИНЦЕСТОВ!!!
 Возможна нецензурная лексика в разумных пределах.

#Настоящий мужчина

#Разница в возрасте

#Совершеннолетняя героиня-девственница

#Героиня с тайной и характером

#Очень горячо и эмоционально

Все вокруг мелькает в неоновом свете.

Громкая музыка бьет по ушам, ритмы передаются через пол. Все внутри вздрагивает от напряжения и радости.

Вместе с пузырьками шампанского в моей крови искрится веселье. Наконец-то, полная свобода! Й-ху!

- Люсь, - кричит мне на ухо подруга. Нет, не подруга, почти сестра.

- А? – прикрывая второе ухо, спрашиваю я.

- Идем, - Катя тянет меня за руку.

- Куда?

- Я тут с парнями клеевыми познакомилась, - глупо хихикает она.

Сегодня наш выпускной. Дома, в серванте на почетном

месте стоят наши дипломы.

О будущем будем думать завтра. А сегодня – отрываемся.

- Привет, красотки, - рядом с Катей вырастает молодой парнишка. Модная стрижка, уложенные волосы, дорогие шмотки. Реально дорогие, а не «реплика» с интернет-магазинов. Его ладони по-хозяйски ложатся на ее талию.

- Люсь, это Эдик. Эдик, это моя подруга.

- Идем? - красавчик пленительно улыбается. Зуб даю это его фирменная, отрешенная улыбка. И она сводит девчонок с ума толпами.

Идеально ровные зубы светятся в неоновом свете. Но меня не впечатляет. Скептически вскидываю брови.

И не таких обламывали. Едва успеваю открыть рот, как замечаю молящий Катин взгляд. Ей реально понравился этот парень. Читаю это в ее глазах. А еще просьбу.

Чем черт не шутит? Киваю в ответ.

Разворачиваюсь и подхватываю со стойки свой бокал. Я за него выложила свои кровные двести пятьдесят рублей. Не оставлю же я его здесь?

Не успеваю ничего понять, как на меня налетает какой-то парень. Я оказываюсь вся, с ног до головы в сладком алкоголе. Цветные капли стекают по телу, ручьями струясь по груди, животу, вниз по ногам. Платье насквозь пропитывается коктейлем и прилипает к телу.

- Во же...

- Прости, крошка, - нагловатый тип перехватывает из мо-

их рук уже пустой бокал и стряхивает с себя несуществующие капли.

- Макс, смотри, что ты сделал с нашей новой знакомой, - в голосе Эдика слышу веселье.

Молодой человек быстро оценивает мою подругу, руки Эдика на ее талии и оборачивается ко мне. В его глазах загорается хищный интерес охотника. А жертва, значит, я?

На секунду мне кажется, что в его взгляде есть что-то еще, более опасное, чем чисто мужской интерес. Но он быстро берет себя в руки.

- Я - Макс, - он улыбается точной копией улыбки Эдика. Да они массово репетируют что ли?

- Я уже поняла, - цежу сквозь зубы.

- Ого, зубастая, - он наклоняется ближе, едва касаясь моей руки. Внутри поднимается волна злости и негодования.

Да кто он такой, что бы так себя вести?

- Макс, - зовет друга Эдик. Но тот не реагирует. Его рука скользит вверх по моей, размазывая цветные капли алкоголя.

Я вздрагиваю. Ладонка начинает чесаться заехав этому наглецу по его лощенной физиономии. Нашел игрушку? Хрен тебе!

- Макс, - голос Эдика становится громче и требовательнее.

- Да? - парень резко отстраняется от меня.

- Эдик, нам нужна минутка, - щебечет Катя, положив ладонку на широкую грудь.

Я не узнаю подругу. Она никогда не вела себя так с парнями.

- Не задерживайся, бэйба. Я жду тебя, - Эдик подхватывает пальцами мою подругу за подбородок и целует. Долго, страстно, обхватив ее губы своими. Вижу ниточки слюны между ними, пока они пытаются отдышаться и попробовать друг друга на вкус снова. Внутри поднимается отвращение.

- Не парься. Они реально клеевые и при деньгах, - едва ребята скрываются в толпе, Катя тараторит мне на ухо. - У них наверху заказана вип-комната. Не понравится – сольемся.

Катя даже пританцовывает от нетерпения.

- Ты уверена? – это все, что я могу спросить.

- Ага, - кивает она. – Люсь, что мы с тобой видели в своей жизни?

Неожиданно серьезно говорит Катя.

- Они – наш шанс на лучшую долю!

- Сомнительный такой шанс, - замечаю я, вспоминая хищные улыбки и дорогой лоск. Таким мальчикам не нужны домовские девочки.

- Да хоть какой! Лишь бы ухватиться, а там... - слышу в дрогнувшем Катином голосе мечтательность.

- Кать, они нас поимеют и выкинут, как мусор, - пытаюсь ее образумить.

- Люсь, не будь занудой. Тебе уже пора бы и расстаться кое с чем... - она глупо хихикает. А я вспыхиваю от ее намеков.

Да, мне так и не «удалось» избавиться кое от чего. Мои

мозги всегда в романтические моменты начинают работать с утроенной силой. И никакие помутнения, как в глупых книжках на меня не находят. Вот и весь секрет моей девственности.

Ладно, может, она и права. Нам уже по двадцать одному году. Может, стоит поискать себе парня?

- Мне надо в туалет, - я развожу руки в стороны, демонстрируя катастрофу с платьем.

- Мне сходить с тобой? – говорит Катя, а я вижу, как она в мыслях уже несется к Эдику.

- Неа, - машу рукой. – Развлекайся, я скоро.

- Второй этаж, первая дверь направо, - кричит мне в след Катя. Машу ей рукой, что поняла.

Критически осматриваю себя в зеркале в туалете.

Синтетическое платье, насквозь пропитавшись коктейлем, прилипло к телу и неприятно холодит.

Открываю кран и пытаюсь отмыть хотя бы сахарные кристаллы и яркие разводы. Становится только хуже.

Ткань словно вторая кожа обтягивает меня. Пытаюсь оторвать от себя платье, но оно липнет снова, стоит убрать руки.

Соски сжимаются в тугие горошины и бессовестно торчат. Первый раз в жизни не надела лифчик, а тут такое!

Пытаюсь ладонями согреть и размять соски. Господи, как глупо я, наверное, выгляжу! Лишь бы помогло.

Но нет! Все напрасно. Едва расправившись от тепла, розовые горошины снова набухают, стоит перестать их тереть.

Выватываю бумажное полотенце из держателя. Тру платье, руки, спускаюсь к ногам. Пропитавшиеся колготки становятся жесткими, липнут к коже и сковывают движения. Отчаявшись как-то исправить ситуацию, просто сдираю их с себя и выбрасываю в мусорку. Ничего, не замерзну. На улице весна в самом разгаре.

Еще раз смотрю на себя в зеркало.

Волосы! Торопливо достаю шпильки. Мои светло-русые тяжелые пряди рассыпаются по плечам, спускаются на грудь, прикрывая бессовестные соски. Отлично. Подмигиваю себе и выскакиваю наружу!

Сама не замечаю, как влетаю по лестнице на второй этаж.

Тяжелый ковер с длинным ворсом скрадывает звук моих шагов. Небольшая площадка и массивные двери. Музыка здесь звучит приглушенно.

Первая дверь...куда? Налево или направо?

Поворачиваю направо, но чувствую непреодолимое желание дотронуться именно до ручки той двери, что слева. Даже ладошка чешется.

Сердце неожиданно заходится в груди. И от него по телу тонкими ручейками расплывается тепло.

Предчувствие еще никогда меня не подводило. Мне надо именно туда!

Касаюсь холодной металлической ручки, нажимаю. Раздается щелчок. Меня окутывает темнотой и терпким пряным ароматом.

Толкаю дверь и делаю шаг внутрь комнаты.

Глава 1

- Ну, здравствуй, прекрасная незнакомка, - от низкого чарующего голоса невидимого собеседника по телу прокатывается огненная волна, вызывающая странное томление внизу живота. Вдоль позвоночника разбегаются мурашки, перепрыгивая на руки.

Неожиданно мне перестает хватать воздуха.

Да что же это такое?

Поворачиваю голову, стараясь разглядеть незнакомца. Но сплошная темнота не дает мне этого сделать. По крайней мере, пока я к ней не привыкну.

Вздрагиваю от тихого шороха его шагов.

Он замирает где-то совсем рядом. Ноздри щекочет терпкий аромат его духов.

- Я не ждал тебя, - он понижает голос, вызывая в моем животе несвойственные спазмы и трепет. – Но ты пришла...

Облизываю вмиг пересохшие губы.

Стою словно вкопанная и ничего не могу с собой поделать.

Я понимаю, что ошиблась дверью и моей подруги здесь нет. Но уйти не могу.

Моей руки касается его ладонь, прошивая мое тело мощнейшим разрядом. Сердце разгоняется до ста за одну секунду.

Хватаю ртом воздух.

Горячая ладонь, не торопясь скользит вверх по моей руке. Подушечки пальцев вырисовывают неизвестный узор на моей коже.

Я вся дрожу. Меня бьет озноб, и одна за другой накатывают волны странного возбуждения. Мурашки толпами разбегаются по телу.

Боже мой, что со мной творится?

- Ты дрожишь, - его низкий грубоватый голос шелестит совсем рядом.

Неожиданно он убирает руку, и я чувствую разочарование.

Шорох, и мне на плечи опускается мягкая ткань с терпким запахом дорогого парфюма. Он набросил на мои плечи свой пиджак.

Горячая ладонь ловит мою руку и тянет за собой.

- Идем, - почти шепчет он.

- Куда? – отвечаю ему шепотом.

- Значит, ты хочешь поиграть? – он спрашивает, и я слышу его игривый тон.

- Нет, - качаю головой.

Ничего не понимаю, но свою руку не выдергиваю.

- Ну что ж, - это скорее мысли вслух. – Так даже интереснее.

Он кладет мою ладонь на сгиб своего локтя. Мои пальчики скользят по тонкому батисту дорогой сорочки. Под ней

ощущаю стальные мышцы.

- Прекрасная незнакомка, я приглашаю вас отужинать со мной, - его голос становится громче и пафоснее. Все это отдает каким-то балаганом.

- Я... - пора завязывать с цирком.

- Соглашайся, прошу, - и снова хриплый полусшепот. И снова горячая волна прокатывается по телу, замирая внизу живота.

Мой отказ так и остается не высказанным.

Он ведет меня вглубь комнаты. Ковер скрадывает наши шаги.

Облизываю губы, а он замирает рядом со мной. Слышу, как учащается его дыхание. Как он глубоко дышит, словно пытается уловить мой запах.

В темноте сверкают его глаза. Или мне показалось?

Нет, не показалось. Комната погружена лишь в полумрак. В глубине приглушенно горят светильники, даря скудный свет.

На фоне одного из светильников могу различить силуэт незнакомца: очень высокий, огромные плечи обтянуты светлой сорочкой. Офигеть, такие бывают? Или он что-то подкладывает? Рукава натянуты на бугрящихся мышцах, длинные сильные ноги, крепкая задница...

- Кхм, - кашляю. О чем это я?

Мужчина разворачивается к столику и подхватывает высокий фужер.

- Прошу, - он наклоняется ко мне. Его губы едва касаются моей щеки. Горячее дыхание обжигает. Случайное касание жжет кожу каленым железом.

- Я не...

- Дай угадаю – на работе не пьешь? – его бархатистый голос заполняет мое сознание. - Всего пару глотков. Никто не узнает. Обещаю.

Его пальцы касаются моей ладони, прошивая очередным импульсом. Он вкладывает фужер мне в руку и помогает поднести его ко рту.

Я словно замороженная послушно выполняю его требования. Мозг судорожно пытается найти подвох. Он есть, я это знаю. Но ответ уплывает от меня.

Делаю глоток, еще один и еще. Холодный сладкий напиток струится по горлу, моментально согревая меня изнутри.

- Умничка, - шепчет он рядом.

Веселые пузырьки искрятся в моей крови.

Мне пора уходить, я это знаю. Но не хочу. Мне хочется еще немного побыть рядом с незнакомцем. Послушать его чарующий голос, почувствовать очередную волну возбуждения.

- Это моя любимая песня. Мы можем потанцевать? - неожиданно для себя самой прошу я.

- Конечно, - он забирает бокал.

Обжигающая ладонь ложится на мою талию и притягивает меня.

Мое тело оказывается прижато к сильному рельефному телу, негромкие звуки музыки обволакивают нас.

Ощущаю его жар и возбуждение каждым сантиметром кожи, каждой клеточкой.

И, как ни странно, сама льну к нему. Щекой прижимаюсь к мужской груди, жадно вдыхая дразнящий аромат.

Ладонь на моей талии приходит в движение и медленно скользит вниз, вызывая огненный шквал внизу живота.

Не знаю, сколько длится музыка, сколько мы плавно движемся ей в такт, слившись воедино.

Неожиданно незнакомец отстраняется. Его рука отпускает мою ладонь.

Но тут же почти до боли впивается в мой подбородок.

Он наклоняется совсем близко ко мне. Бездонные омуты его глаз пожирают меня.

- К черту правила, - шепчет он зло мне в губы и тут же впивается в них в безумном поцелуе.

Комната плывет перед моими глазами. Голова кружится от накатившего желания.

Хватаюсь за его плечи, боясь упасть.

Его губы обхватывают мои, жадно вытягивают и терзают. Его язык настойчиво раздвигает мои губы и проникает в рот.

Ммм, как сладко.

Я лишь могу хватать ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег. В то время как мужчина уже хозяйничает у меня во рту.

Его ладонь с моего подбородка перебирается на затылок, зарывшись в мои волосы и мягко массируя кожу. Одна за другой волны дикого огня прокатываются по мне.

Мир меркнет и сужается до одного конкретного мужчины. Ноги слабеют. Боюсь упасть.

Его язык настойчиво движется внутри моего рта. Он завоевывает пространство, в то время как я таю в его руках.

Нежные поглаживания нёба, заигрывания с языком, легкие касания кончиком языка моих губ распалют меня, и я включаюсь в игру.

Несмело, неопытно пытаюсь поймать его язык губами.

Он рычит в ответ, хватка на моем затылке становится жестче, не давая мне отстраниться.

- Ты сводишь меня с ума, - рычит он мне в губы. – Ты – ведьма.

- О, да... - выдыхаю ему в ответ.

Его ладонь мнет синтетическую ткань моего платья, тенет ее вверх. Быстро, уверенно, почти грубо.

Слышу треск ткани, и начинаю дрожать от предвкушения.

Сама помогаю незнакомцу избавиться меня от платья. Мятая тряпка улетает в темный угол.

Я стою перед ним обнаженная, в одних кружевных трусиках. Подтягиваю руки к груди, но он перехватывает их.

В полутьме его глаза неестественно блестят.

- Ты прекрасна, - он касается тылом ладони моей шеи.

Откидываю голову и закрываю глаза, полностью отдаваясь

незнакомым ощущениям.

Волна за волной на меня накатывает возбуждение и дикая жажда. Жажда чего-то нового, опасного и испепеляющего.

Низ живота вспыхивает и тут же гаснет, отдаваясь болезненным спазмом.

Мужская ладонь скользит вниз, пальцы очерчивают ключицу, соскальзывают на грудь.

Подушечки пальцев вырисовывают замысловатый узор на моей груди, кружат вокруг соска.

Жар спускается в промежность, заставляя влагалище болезненно сжаться.

Его пальцы на миг отпускают мою грудь, и тут же уже влажный палец касается набухшей горошины соска.

В голове словно разбивается огромное стекло, за которым все эти годы жило мое второе «я».

И это «я» громко кричит: да, прощу тебя, не останавливайся!!!

Мысли разлетаются, остается только сладострастный туман. Я уже не знаю, кто я, где я. Лишь бы он никогда не переставал меня гладить.

Теряю равновесие и падаю. Или парю? Совсем рядом, под ладонками ощущаю грохот огромного мужского сердца.

Я не упала, это он подхватил меня и куда-то несет.

Прихожу в себя, когда гладкая прохлада кожаного дивана касается моего распаленного тела.

Неужели это я поскуливаю от нетерпения?

- Сейчас, малышка, сейчас, - шепчет он, хватаясь за пряжку своего ремня.

До дрожи, до онемения кончиков пальцев хочу прикоснуться к его телу, провести ладонь вниз по рельефному торсу...

Пытаюсь расстегнуть его рубашку. Пальцы дрожат, пуговицы не поддаются.

Он дергает ворот. Рубашка улетает в темноту вслед за моим платьем.

Жадно касаюсь его распаленной кожи. Под ней перекачаны упругие мышцы, исследую каждую.

В ответ раздается стон и рык.

Сильные руки, обхватив меня за ноги, рывком тянут на себя. Соскальзываю ниже, оказываясь прижата мощным телом.

Звяканье пряжки, звук расстегиваемой молнии.

Горячие пальцы лишь на мгновение касаются моей набухшей промежности, отодвигая тонкое кружево.

Горячая головка упирается в мои намокшие складочки.

Да, сейчас все случится. Может, стоит сказать, что я...

- Аааа!!! – кричу и задыхаюсь своим криком...

Вскакиваю на постели.

Комната тонет в темноте.

Мое тело дрожит, холодный пот струится по спине. Откидываю за спину тяжелые пряди и глубоко дышу.

Опять этот сон.

Каждый вечер, засыпая, я не знаю, что увижу во сне: бледное лицо Кати в багровых разводах или горячего незнакомца, который забрал...

Впрочем, не важно.

Откидываю одеяло и пускаю ноги на пол. Сегодня мне больше не уснуть.

На часах пять – двадцать. Уже не плохо.

Пора заваривать кофе и собираться. Впереди у меня много дел.

Глава 2

Ну что, прощай, родной город! Видела я от тебя что-то хорошее? Да ни фиги!

Затягиваюсь и метко отправляю бычок прямо под колеса паровоза. Тут же получаю в ответ недовольный взгляд проводника, что лазит под вагоном. Да вот вообще пофиг!

Отворачиваюсь и поправляю дорожную сумку на плече.

Мой взгляд быстро и цепко осматривает перрон и проходящих людей. Каждая спешащая в мою сторону мужская фигура заставляет вздрогнуть. Так, спокойно, он не придет! Не должен! У него своих проблем выше крыши, чем искать по вокзалам подружку бывшей.

Ремень на старой дорожной сумке режет плечо, снова поправляю его и отворачиваюсь к вагону.

Ну, блин, сегодня подморозило, аж пар изо рта идет. Когда уже пускать будут?

Зябко обхватываю себя за плечи. Осеннее пальто этой осенью вообще не спасает. Влажный холодный воздух пробирает до костей. Сапоги подвели в самый последний момент – отвалилась подошва. Да, так всегда. Пришлось обувать кроссовки. Ну, ничего, нормально. Я видела в инстаграмме, так в столице многие ходят. Только холодно.

Пританцовываю на месте, стараясь согреться.

- Готовим билеты, паспорта! – разносится над перроном

хриплый голос проводницы.

Окоченевшими пальцами достаю документы, раскрываю на нужной странице и замираю. С новенького паспорта на меня смотрит моя собственная фотка, а вот фамилия и имя не мои, буквы жгут мне пальцы и глаза огнем.

Кажется, что каждый на этом чертовом перроне видит мой обман и смотрит с укором. А проводница так и вообще сейчас превратиться в черта и откроет для меня персональный люк в ад.

Но нет. Выхватив их моих рук документ и билет, она, едва взглянув, возвращает его назад.

- Не задерживаем, проходим, - орет она мне прямо в ухо. Я вздрагиваю и хватаюсь за поручень.

Прощай, родной город! Не видеть бы тебя никогда!

Так, ну вот и мое «купе». Ну, купе – это громко сказано, нижняя боковушка в плацкарте. Не у толчка и то радость.

Запихиваю сумку под сиденье и скидываю пальто. Вешаю его на крючок, любовно поглаживая. Это самая дорогая вещь в нашем с Катькой гардеробе... в моем... теперь только в моем.

От воспоминаний о подруге к горлу подступает ком, в глазах набираются жгучие слезы. Отворачиваюсь к окну и часто моргаю в надежде, что не разревусь. Катя, Катенька, прости меня! Это ты сейчас должна ехать в новую жизнь.

- Дорожку, - зычный мужской голос заставляет меня буквально вжаться в столик и пропустить тщедушного деда с

огромной сумкой наперевес.

Вот скажите, откуда у такого сморчка такой голос?

Пассажиры рассаживаются по местам, распахивают вещи по полкам и начинают обживатьсья.

Со всего размаху плюхаюсь на сиденье и разглядываю серое безликое здание вокзала.

За окном начинает моросить дождь, хорошо успела закончить все дела и сесть в поезд, пока меня не намочило.

Перед глазами встает мрачное городское кладбище. Свежая могила с комьями мерзлой земли. Свежеобструганный крест, перевязанный ленточкой. И фотография в рамке. С нее прямо мне в душу смотрит улыбчивая девчонка с ямочками на круглых щеках. Катя! Был ли у меня в жизни хоть кто-нибудь роднее? Нет! И, наверное, уже не будет...

Смахиваю так некстати набежавшую слезу.

Самое страшное, видеть на чужой могиле свое имя. Знать, что отныне тебя настоящей не существует.

Есть только авантюристка, выдающая себя за кого-то другого и пытающаяся изменить свою жизнь в память о подруге.

Москва встречает меня неласково. Холодно, серо и мокро.

Запахиваю пальто, выуживаю из сумки шарф и наматываю его на шею. Так уже лучше. Но шапка бы не помешала. Только где ее взять?

С сожалением смотрю на свои издававшие виды кроссовки, в них только летом ходить, сейчас же промокну в момент.

Но вариантов нет. Надеюсь, новоявленные Катькины... мои родственнички раскошелятся и подарят мне боты. Хорошо бы.

Оглядываюсь на поезд, смотрю по сторонам. Вроде же встретить обещали.

Но ни древней бабки, ни кого-то похожего на маменького сынка на пенсии вокруг не нахожу. Они, наверное, встречают меня у СВ-вагона. Надо чесать к нему, знать бы только куда?

Ну не указала я в смске, что билет поменяла, подумаешь какая беда? Честно говоря, свой билет сдала из-за нехватки денег еще Катя, а этот покупала уже я на свои кровные.

Заглядываю на экран смартфона десять-десять, вздыхаю и бреду. Направление выбираю наугад. Вокруг снуют люди, бегают мужички с огромными телегами, несутся тетки с баулами.

Оглядываюсь по сторонам, поправляя постоянно съезжающую сумку.

Неожиданно налетаю на кого-то. Рассмотреть мужика не получается, он закрылся воротником от ветра и надвинул кепку на самые глаза в попытке защититься от мороси.

- Простите, - пытаюсь извиниться.

- Смотреть надо, - слышу недовольное ворчание. Голос разобрать сложно, мужчина хрипит.

Думаю, что инцидент исчерпан. Неожиданно чувствую едва уловимое касание рук мастера на своем теле.

Разворачиваюсь и успеваю схватить мужика за ворот. Что,

проныра, не ожидал?

- Стоять! – вкладываю все свое негодование в выкрик.

- Пусти, - шипит он, разворачиваясь и пытаясь от меня отделаться. Мужик оказывается молоденьким пареньком всего на несколько лет младше меня.

Ага, держи карман шире. Детдомовских не напугаешь.

- Отдай, что взял, - мой голос повышается.

Люди на перроне начинают оборачиваться.

- Ты че, сдурела, ничего я не брал! – честные и до крайности удивленные глаза смотрят на меня. Если бы не была уверена на все сто, точно бы поверила.

- Выворачивай карманы, - требую я.

Так и не сумев оторвать мою руку от своего ворота, парниша начинает на меня наседать.

- Ты че, лохудра, берега попутала? Ну-ка отпусти, - честные глаза вмиг наливаются злостью.

- Вернешь – пушу, - сумка съезжает с моего плеча, но я продолжаю крепко держать парня за куртку. Он украл мой телефон, пока не отдаст, не пушу.

Краем глаза замечаю, как на помощь своему спешит тот, что стоит на стреме. Это уже не мальчик, а мужик. Хреново.

- Люди, помогите, грабят! – верещу во все горло.

Помощник останавливается как вкопанный, пару секунд размышляет и, развернувшись, исчезает в толпе. Мой новый знакомый вжимает голову в плечи и бьет мне по руке.

- Ты че дерешься? – хватаясь второй рукой за его куртку,

удивляюсь я.

Снова получаю ощутимый удар по рукам, меня пытаются сбросить. Но я держусь так, словно от этого зависит моя жизнь.

Ну, в какой-то мере зависит. Без телефона я не смогу связаться с родственниками. И их адрес я тоже записала в телефон. Ну не на бумажку же мне его было записывать?

Потеряю телефон и кранты! Все зря! Новая жизнь закончится, так и не начавшись.

Мы кружим с карманником в странном танце, вцепившись друг в друга. Теперь он тоже держит меня за ворот пальто и пытается, раскрутив, сбросить. Неожиданно я подворачиваю ногу и начинаю заваливаться. В глазах моего противника мелькает торжество. Рано, гад!

Руки я не разжимаю, и мы падаем вместе.

- Отцепись, больная, - шипит он.

- Отдай телефон.

- Ща отдам, ща все получишь.

Мы уже катаемся по мокрому асфальту. Вокруг нас собирается толпа зевак. Но помогать мне никто не спешит. Моя сумка давно валяется где-то невдалеке, еще бы ее не потерять.

Неожиданно получаю удар под ребра, который выбивает воздух из легких. На долю секунды у меня темнеет в глазах. Я ослабляю хватку на куртке, но тут же придя в себя, стараюсь достать до лица мерзавца и расцарапать его.

Неожиданно парня приподнимает неведомая сила, встряхивает как котенка, и держит на весу. Куртка врезается ему в подмышки, ворот душит, а ноги беспомощно болтаются в воздухе.

Из его ладони со звоном выпадает маленькая заточка, которой он разрезает сумки честных граждан.

Мои глаза округляются. Толпа вздыхает, кто-то начинает звать полицию.

- Эт че, ты меня пырнуть хотел? – округлив глаза, я приподнимаюсь на локтях.

В ответ он только хрипит.

- Не сомневайся, - низкий хриловатый голос перекрывает шум толпы и заставляет меня вздрогнуть.

Мурашки толпами рассыпаются по моему телу.

Поднимаю глаза, чтобы рассмотреть хозяина этого волнующего голоса.

Не может этого быть...

Сначала замечаю огромную ручищу, что держит пацана за ворот. Дальше дорогая ткань черного пальто, полированные пуговицы.

Перевожу взгляд и охватываю широкие плечи. Ну не может быть у человека таких широких плеч.

Кажется, я уже видела однажды такие же...

Не вовремя нахлынувшие воспоминания заставляют меня вспыхнуть словно спичка.

Поднимаю взгляд. Дальше идет твердый тщательно вы-

бритый подбородок. Жесткие, сжатые в одну линию губы. Темные волосы зачесаны назад, а в них словно бисеринки застыли капельки мороси.

Меня обдает ледяным презрением холодных голубых глаз.

Забываю, как дышать.

Значит, голубые. В ту ночь они мне показались черными, полными страсти и огня.

Невероятный контраст.

Не выпуская карманника, он протягивает мне руку.

Я хотела бы ее проигнорировать, но какой у меня выбор?

Принимаю и поднимаюсь. От легкого касания кожа горит огнем, болезненный жар струится по венам.

С моего любимого парадного пальто струйками стекает грязная вода. Фак!

Как теперь показаться на глаза богатым «родственникам»?

- Расходимся, граждане, - к нам спешит полицейский с нашивками сержанта и помятым лицом.

Его хмурый взгляд сначала проходится по мне. Губы сержантика брезгливо кривятся, потом скользит по вору и упирается в огромного мужчину.

- Что тут произошло? – заискивающим тоном полицейский спрашивает именно у него.

- Меня обокрали, - я упираю руки в бока, - я...

- Он – карманник, - встряхивает мужик парнишку, отчего

у того громко клацают зубы.

После резко опускает его на ноги и передает сержанту.

– А она...

Мне он дарит долгий изучающий, но холодный взгляд. Я вздрагиваю и сжимаюсь под ним.

- Девчонка, скорее всего с ним заодно. Пока они тут разыгрывали спектакль, зевак, думаю, уже обчистили.

Люди вокруг громко вздыхают и начинают хвататься за карманы и лезть в сумки, проверяя их содержимое.

Он меня не узнал? Он меня не узнал! Тугая струна напряжения резко расправляется.

Делаю глубокий вдох. Хорошо, что он меня не узнал.

Но что он только что сказал? Мой рот открывается от удивления, я даже слова вымолвить не могу.

Возмущение поднимается внутри. Мне бы успокоится, но нет.

- Послушай-ка, ты...

Поднимаю палец и тычу в знакомого незнакомца.

- Вы, - поправляет он меня. Ага, щас.

- Слышь, откуда ты на мою голову тут взялся? - стараюсь вытянуться, чтобы казаться выше. Но даже так я не достаю ему даже до плеча.

Его забавляет эта ситуация, я это чувствую. Он вскидывает брови и презрительно смотрит на меня.

Или узнал? И это очередное издевательство надо мной? Ответа я точно не получу.

- Михаил, что у нас? – рядом возникает второй полицейский. Еще более помятый, чем первый.

- Парочка карманников, - указывает на нас первый.

- Принимаем? – мрачно кивает второй.

- Я не с ним! Он меня обокрал! У него в кармане мой телефон! – кричу я в отчаянье.

Сержант пожимает плечами и обыскивает парня. Ни в одном из карманов не находится моего телефона. Там вообще пусто.

Нет ничего: ни документов, ни денег, ни даже билетов с транспорта.

Полицейские и незнакомец красноречиво смотрят на меня.

- Я только приехала, - стараюсь оправдаться, - я сошла с этого поезда. Спросите проводницу...

- Всех спросим, - кивает мне полицейский и уже тянет руку схватить меня.

- А ты чего молчишь, гаденыш? – кричу на воришку.

- А чего? – он как-то странно улыбается. – Раз нас раскрыли, Машка, то нечего и отмазываться.

Вот гад!

- Ты че сдурел? Я не Машка! Меня зовут Ль... - вовремя вспоминаю о новом имени. – Катя, меня зовут Катя.

- Маш, харе, - уже в открытую издевается мелкий ублюдок. – Ща пройдемся до конторы, объяснимся и по домам.

- У меня документы в сумке... - я все еще надеюсь на что-

то. Но полицейский подхватывает меня под руку и начинает тянуть в сторону вокзала.

Мой старый незнакомец, обдав меня на прощание очередной порцией презрения, отворачивается, потеряв к нашей истории всякий интерес. Замечаю, как он вскидывает руку и смотрит на часы. Потом вынимает из кармана пальто смартфон и начинает кому-то звонить.

Глава 3

Вот урод.

Среди шума и гама на перроне раздается веселенькая музыка. Мой рингтон. Это мой рингтон!

- Пусти, - рывком скидываю руку полицейского и бросаюсь на звук.

Мельком замечаю удивленный взгляд холодных голубых глаз. Он так и застывает с трубкой в руках.

Добежав до края платформы, свешиваюсь вниз. На щечке между шпал валяются вещи: мой смартфон, портмане и пара женских кошельков.

- Скинул, падла, - радостно кричу я, стараясь достать до вещей.

Полицейский оттесняет меня, спрыгивает вниз и подбирает вещи.

- Дай, дай же, - выхватываю из рук удивленного офицера свой потерянный телефон. – Это мой родственник, ща он вам тут устроит.

Озябшими пальцами пытаюсь разблокировать экран. Выходит не сразу, только бы не сбросил.

- Алло, - в трубке напряженная тишина. – Алло!

- Обернись, - требует глубокий голос на том конце «провода».

Я, ничего не понимая, оборачиваюсь.

Прямо напротив меня, застыв словно истукан, стоит Он, прижав трубку к уху. В его глазах зажигается удивление, а губы складываются в холодную, горькую и насмешливую улыбку.

- Ну, здравствуй, Екатерина, - голос из трубки растягивает слова.

Почему же они совпадают с движением губ моего незнакомца?

- Ты? Ты? – я задыхаюсь от злости и удивления. Это не может быть правдой. Кто угодно, только не он!

- Я, - мрачно улыбается он, сбрасывая вызов.

- Не отпускайте ее, она обманщица, - верещит карманник, поняв, что теперь ему так просто не отделаться.

- Простите, мы должны во всем разобраться, - снова обращаясь к моему «родственнику», говорит офицер.

Мужчина переводит на него безразличный взгляд, достает документы и раскрывает перед полицейским.

Не знаю, что тот увидел такого, но его мятое лицо резко бледнеет, он вытягивается в струнку, рука тянется ко лбу.

- Простите, виноват, не признал, - тараторит полицейский.

- Инцидент исчерпан? Я могу забрать девушку? – высокомерно спрашивает мой незнакомец.

- Так точно, ээ, конечно, - замерев, как кролик перед удавом, рапортует полицейский.

- Идем, - это уже он бросает мне.

Не удостоверившись, что я иду следом, мужчина развора-

чивается.

- Нет, - не трогаюсь с места.

О, ради такого взгляда стоило это сказать. В голубых глазах, разгоняя лед, зажигается яростное пламя.

Что, не привык, что с тобой спорят? Не в последний раз, будь уверен.

- Что? – он не повышает голос, но вокруг как будто сгущается воздух.

- Я с тобой никуда не пойду, пока не извинишься, - складываю руки на груди. Ладони пачкаются от грязных разводов.

Глаза полицейских ползут на лоб.

А вот «родственничек» только голову слегка наклоняет на бок и впивается в меня изучающим взглядом. Вижу, как на его шее пульсирует венка. Ох, не к добру.

- За что? – он растягивает слова.

- За все!!! - выкрикиваю я.

Я чувствую, как дрожит мой голос. Мне надо замолчать, спрятать глаза и послушно плестись за ним. Но я не могу! Не могу!

- За все? - отчетливо слышу угрозу в бархатистом голосе.

Его лицо становится жестче. В пару широких шагов он преодолевает разделяющее нас расстояние и подхватывает под локоть. Его крепкие пальцы стальной хваткой сжимают мою руку.

- Идем, я сказал, - он нависает надо мной, и я неосознанно

втягиваю голову в плечи.

- А если я не пойду, ты меня потащишь? – храбрая моська. Сама чувствую, что перегибаю, но сдаваться не собираюсь.

- Отличная идея, - его лицо на миг светлеет, в голубых глазах загорается юношеское озорство. Лишь на миг, после все обратно затягивает холодным безразличием. – Но нет. Я уйду. А ты останешься тут совсем одна. У тебя будет выбор: начинать покорять столицу самостоятельно или отправится в свой родной город.

Сглатываю. Оглядываюсь по сторонам. Замечаю хмурый взгляд карманника, который ловит каждое слово моего «родственничка». Я просто уверена, что он с друзьями организует мне незабываемую экскурсию по столице.

На перроне еще стоит поезд, на котором я приехала. Родной город. Ну уж нет. Я не хочу возвращаться туда.

- Хорошо, - опускаю голову в знак согласия.

Он молча разворачивается. Семеню за ним следом, стараюсь не отставать.

На один его шаг приходится почти три моих.

- Подожди, - мой голос звучит жалко. Я уже запыхалась. – Да подожди же ты...

- Что еще? – он резко останавливается, и я влетаю ему в грудь.

Он быстро ловит меня за плечи. И даже через толстое сукно пальто я ощущаю жар его ладоней.

- Моя сумка... - тяжело дышу. – Надо взять мою сумку.

Он оборачивается, не выпуская меня из рук. Быстро находит взглядом сиротливо стоящую на перроне потрепанную сумку.

- Твоя?

- Ага, - киваю я.

Больше не говоря ни слова, он закидывает мою сумку себе на плечо и продолжает путь.

- погоди, - я снова бегу следом. Неожиданная мысль приходит мне в голову.

Он больше не останавливается, но сбавляет темп, заметив мои усилия.

- Ты – Дмитрий? Мой родственник? Брат? Сын моей тети Нелли? – все это я выдаю скороговоркой и замираю в ожидании ответа.

- Нет, - он бросает на меня взгляд, по которому я ничего не могу прочитать.

Слава богам! Я знала, что Дмитрий слишком занятой человек, чтобы лично разъезжать по вокзалам и встречать бедных родственников. Это, наверное, его водитель или охранник. Уф! Как хорошо!

Даже от сердца отлегло.

- Во-первых, Дмитрий Александрович, во-вторых, Нелли Эдуардовна, а в-третьих, не брат. Я твой дядя, а моя мать твоя двоюродная бабушка, а не тетя.

Мне резко перестает хватать воздуха. В глазах темнеет.

- И еще, - бросает Дмитрий Александрович через плечо.

- Теперь я твой опекун.

Приходится прибавить шаг, потому что мой «опекун» не собирается меня дожидаться.

- Опекун? На кой хрен мне опекун? – меня аж передергивает от возмущения.

Он резко останавливается и разворачивается. А я не успеваю.

И снова с разбега врезаюсь в мощное тело.

- Моя подопечная не должна выражаться, - его голос гремит сердито.

Сглатываю, замерзая под ледяной яростью голубых глаз.

- Все ясно? – он наклоняется и шипит у меня над самым ухом.

Я даже чувствую его дыхание. Но не обжигающе горячее, как тогда, а такое же ледяное, как взгляд.

Отшатываюсь, стараясь увеличить расстояние.

- Ага, - киваю я.

- Повтори, - требует он.

- На кой хрен мне опекун?

- Ты что издеваешься? – почти ревет он.

- Нет, - честно качаю головой. – Я думала, ты не услышал мой вопрос и...

- Екатерина! – в его голосе появляются рычащие нотки. – Не зли меня.

- Ты не ответил на мой вопрос, - холод его глаз отпускает, страх потихоньку отступает.

Я вскидываю голову и смело встречаю его рассерженный взгляд. Я привыкла бороться. И просто так это не уйдет. Лишь бы только он не вспомнил меня...

- По завещанию положено, - отвечает он после того, как мы меряемся взглядами.

- Чего?

Но на этот вопрос он уже не собирается отвечать. Подхватывает меня под руку и тянет к стоянке.

- Садись, - он распахивает передо мной дверцу какого-то прямо инопланетного корабля, а не машины.

Огромная тачка, темные полированные бока, блестящие диски, колеса по размеру больше похожи на турбины, в салоне запах кожи. Все дорого и нереально.

- Я не могу, - качаю головой.

Замечаю удивленно вскинутые брови.

- Я грязная, - развожу руки в стороны, демонстрируя всю красоту испорченного пальто.

Он, не слушая меня, распахивает багажник, закидывает туда мою сумку.

- Ты меня не слышишь? Я все испачкаю в твоей дорогой машине, - чеканю зло.

Ну конечно, кто будет слушать бедную родственницу?

Сейчас подстелет мне клееночку и поедем.

- Держи, - он протягивает мне что-то темное и вязанное.

Я неуверенно беру из его рук свитер или кофту, руки обдает теплом настоящей шерсти или кашемира или хрен зна-

ет чего там еще.

- Я...

- Так и будем стоять здесь? – я вижу, что он начинает сердиться.

- Нет.

Послушно скидываю пальто на его руки и натягиваю свитер. Он огромный, почти такой же как и его хозяин.

Настоящая шерсть быстро согревает озябшее тело, обволакивая меня, нос щекочет резкий аромат дорого парфюма. Неосознанно прижимаюсь щекой к своему плечу, пытаюсь ощутить так необходимое тепло и вдохнуть поглубже этот аромат.

Открываю глаза и замечаю удивленный взгляд Дмитрия Александровича. Он что серьезно надеется, что я буду его так называть?

Быстро встряхиваю головой, сбрасывая наваждение.

Просовываю руки под волосы и рывком выдергиваю их из-под свитера. Резинка где-то теряется и мои длинные пряди розовым шелковистым водопадом стелются по плечам.

На лице опекуна быстро меняются эмоции. От удивления к восхищению, потом к раздражению и снова к серьезному безразличию.

- По поводу твоих волос мы еще поговорим, - он захлопывает за мной дверцу.

Я практически тону в мягком кожаном сиденье. Оно обволакивает меня.

- А что не так с моими волосами? - оборачиваюсь к сажающемуся на водительское сиденье опекуну, состроив уморительную гримасу.

- Их цвет.

- Цвет? Ты не любишь розовый?

Слышу, как от злости скрипят его зубы. Ничего, еще не то от меня услышишь.

- Не очень.

Машина плавно трогается.

Я подхватываю розовую прядь и перебираю ее пальчиками.

- А мне нравится, - говорю твердо и отворачиваюсь к окну.

И Кате нравилось. Это ее проделки. На Хеллоуин я должна была стать Мальвиной, но Катя притащила розовую оттеночную маску для волос. Маска оказалась писец какой яркой и стойкой на зависть перманентным краскам.

Сначала она не хотела смываться, а теперь я периодически обновляю цвет. В память о Кате.

Каждый раз, когда снимаю полотенце перед зеркалом, вспоминаю ее истерический смех сквозь слезы в тот самый первый раз, когда она меня красила.

Катя, Катенька...

- Катя?

Вздрагиваю.

Машина стоит на остановке, раздается настойчивый сигнал автобуса позади.

Поднимаю взгляд и тону в глубоких синих озерах.

Дмитрий смотрит на меня обеспокоенно. На самом дне его глаз рядом с тревогой притаились теплота и сострадание.

Его горячие ладони сжимают мои плечи.

- Катя, что с тобой? – его голос ниже и теплее, чем обычно. Он похож на тот его голос, в клубе...

А что случилось то?

И только сейчас понимаю, что по моим щекам струятся слезы, что губы закусены до боли. Даже солоноватый привкус крови ощущается во рту.

Закрываю глаза, а когда снова их открываю, успеваю заметить во взгляде опекуна странное замешательство.

Словно он увидел что-то знакомое, но никак не может вспомнить, что это и где же это видел...

- Все хорошо, - стираю ладошками влажные дорожки на своих щеках. – А чего стоим?

Глава 4

Добираемся быстро и без происшествий.

Больше без происшествий.

Спасибо опекуну, он не стал допытываться, что со мной не так. Думаю, ему вообще по фигу.

Конечно, явилась тут провинциалка крашенная и хочет отхапать семейных денег. С чего ему меня любить?

Но ничего. Прорвемся, Кать. Я вырву твое наследство, если придется, у них из глоток!

Машина плавно притормаживает у огромного здания.

- На выход, - командует Дмитрий.

Ох, нашелся начальник.

Выхожу и сама не замечаю, как мой рот открывается от удивления. Дом реально здоровенный, сколько же в нем этажей? Тьма!

У нас в городе такое не строят.

Двор больше похож на парк: чистый стриженный газон, скамеечки, детская площадка, парковка. А это что? Бассейн? Офигеть!

Живут же люди!

Дмитрий в своей манере подхватывает меня под локоть и тянет к подъезду.

Ох, не то это слово. Подъезд!

Это прихожая или, как их там раньше называли, парад-

ная!

Светлый в разводах камень, колонны, широкая лестница и огромный пушистый ковер.

Дмитрий отпускает мою руку и делает несколько шагов в сторону представительного мужчины в костюме.

Замираю у самой кромки светло-бежевого ковра. Смотрю, как по моим кроссовкам струятся грязные ручейки. Делаю шаг назад и скидываю кроссы.

Наступаю ногами на пушистый ворс. Вот это классно.

Даже через носки ощущаю его тепло и нежность. Интересно, он натуральный? Конечно, да! О чем это я? Здесь все по самому высокому уровню.

Медленно иду вперед, стараясь вобрать в себя все запахи, звуки, ощущения. Запрокидываю голову и разглядываю высокий сводчатый потолок. Никогда такого не видела.

- Екатерина, - гремит совсем рядом и очень сердито.

- А? – опускаю голову и на середине пути от потолка к реальности встречаюсь с ледяными глазами опекуна.

В них плещется злость, нет ярость. Снова.

Да что не так?

Замечаю за его спиной крайне удивленное лицо солидного мужика в костюме. Настолько удивленное, что, кажется, он прям галстук свой сейчас проглотит.

- Дмитрий Александрович, юная леди с вами? – и голос такой заискивающий и крайне удивленный.

- Со мной, - рычит опекун.

И снова подхватив меня под локоть, несется вперед.

- Мое почтение Нелли Эдуардовне, - кричит мужик нам вслед.

- Обязательно, - рычит сквозь зубы Дмитрий.

- А в чем дело? – я пытаюсь вырвать руку. Уже скоро синяки будут, если так и дальше подойдет.

- Заходи, - опекун заталкивает меня в лифт.

- Там остались мои кроссы, - я возмущена.

- Не беда, выкинут.

- Что? – я пытаюсь дотянуться до панели и нажать на какую-нибудь кнопку, чтобы остановить этот чертов лифт.

Но он ловко перехватывает мою руку.

- Да прекрати меня хватать! Задолбал уже!

Он делает шаг ко мне. Я тут же отступаю, но упираюсь спиной в полированный металл.

Дмитрий нависает надо мной. Огромный, мощный, опасный. Его глаза стремительно темнеют. Ноздри трепещут.

Он кладет руки с двух сторон от моего лица, отрезая пути к побегу.

Меня обволакивает его запах. Аромат парфюма, масло сандала и пряность мужского тела.

По телу пробегает дрожь. Электрические разряды всполохами проходятся по моей коже.

Воздух накаляется. Темно-синие глаза пылают передо мной. Я хочу отстраниться, отвернуться, убежать, но не могу.

Я смотрю в них, как завороченная и вижу свое отражение. Замечаю, как на мужских щеках ходят желваки. Пальцы покалывает от желания прикоснуться к бритой щеке, погладить.

Его губы, секунду назад сжатые в тонкую линию, расслаиваются.

Ощущаю на лице горячее дыхание. Низ живота схваткообразно сжимается.

Божечки, что сейчас будет?

Покачиваюсь на носках, готовая в следующую минуту прижаться к широкой груди...

Мысли путаются. Облизываю губы. Черный зрачок напротив резко расширяется. Дмитрий наклоняется...

Мелодичный звон всплывает между нами. Двери отъезжают с тихим шорохом.

Дмитрий ругается сквозь зубы и резко выпрямляется, оттолкнувшись от стенок лифта.

- Дмитрий? – удивленный голос окончательно отрезвляет меня.

- Здравствуй, мама, - опекун с хорошо скрываемой досадой резко проходит по волосам.

Оборачиваюсь. У входа в лифт стоит пожилая женщина. Серые волосы собраны в пучок. Ни грамма косметики. Строгое серое платье.

Да, не так я себе представляла наследницу миллионов, дворцов, пароходов...

- Бабуля! — я с криком бросаюсь к женщине и заключаю в свои объятия.

Сама не знаю, почему я делаю это. Хочу убежать от опасной близости одного конкретного мужчины? Или ощутить человеческое тепло, почувствовать, что я кому-то нужна?

Ведь после смерти Кати я осталась совсем одна. Совсем одна на всем белом свете!

А эта женщина может хоть частично заменить мне семью. Пускай она не моя бабушка, надеюсь, они об этом узнают не скоро.

- Дмитрий, кто эта девушка? — словно удар бьет по нервам холодный надменный тон.

Поднимаю лицо от плеча пожилой женщины и наталкиваюсь на рассматривающий меня ледяной взгляд небесно-голубых глаз, как у сына.

Прямо за нами стоит высокая брюнетка. На вид ей не больше сорока, но это ведь не может быть правдой.

Идеальная кожа, идеальная укладка, стильный брючный костюм, подчеркивающий совершенство фигуры и удивленно и презрительно вскинутые темные брови.

- Здравствуй, мама. Это твоя внучатая племянница, Екатерина Невзорова.

- А почему она обнимает нашу кухарку?

Я неуверенно отлепляюсь от пожилой женщины и удивленно смотрю ей в лицо, словно пытаюсь в простых чертах найти сходство с Дмитрием.

Но нет!

И как я могла так лохануться? Она же безлика, спокойная и бессловесная.

Такая просто не может быть железной бизнес-леди. Только кухаркой!

И почему-то мне хочется обнять ее еще раз и сказать, что я такая же как она. Просто чья-то тень...

- Она очень рада, что приехала к нам в гости, - в голосе опекуна слышу иронию.

- Да? – идеальная темная бровь ползет еще выше. А взгляд, обращенный ко мне, становится внимательнее. – Это ненадолго...

- Мама, - в голосе Дмитрия появляется предостережение.

Но эта холодная надменная женщина словно не слышит его.

- А почему она без обуви? И в твоём свитере? – кажется, Нелли Эдуардовна настолько поразила моему виду, что даже повысила голос.

- Произошло недоразумение...

- Ой, даже два, - я перебиваю его.

«Бабуля» смотрит на меня с нескрываемым изумлением, словно я какая-то неведомая зверушка, которая вдруг заговорила. И вправду, она ведь до этого обращалась только к своему сыну, игнорируя меня.

- Сначала на вокзале карманник пытался меня обворовать. Но я бывалая, меня не так легко обшманать. Попробо-

вал бы он проделать такое в детдоме. Там и по роже словить можно...

Эмоции бьют через край. Я захлебываюсь словами, выдавая свою историю. Краем глаза замечаю, как «бабулина» рука поднимается и опускается на грудь. В электрическом свете сверкает большой камень.

- А потом мусора пытались меня повязать. А ваш сын вроде как меня спас, но все равно сам хотел сдать ментам, - я бросаю торжествующий взгляд на опекуна.

Хрупкая ладонь поднимается с груди и делает пару элегантных жестов, обмахивая лицо. Что бы это значило?

- А еще карманник меня пырнуть пытался, но я его все равно вцепилась в него мертвой хваткой. Он меня в лужу повалил, но я держала.

В этот момент моей руки касается теплая сухая ладонь кухарки и сжимает. Поддержку она мне так выражает, что ли?

- Дмитрий... - голос «бабули» звенит.

- Спокойно, мама...

- А еще надо позвонить на ресепшн и попросить принести мои кроссы. А то я их там забыла, - и снова Дмитрий получает мой красноречивый взгляд.

- Куда позвонить? - Нелли Эдуардовна переводит абсолютно круглые глаза с меня на сына.

- Она так шутит, мама, - Дмитрий рывком поправляет мою сумку у себя на плече и подхватывает меня под локоть.

Опять.

- Ай, куда ты меня тащишь? Я еще не все рассказала! – шиплю от боли, но топаю.

Оборачиваюсь и через плечо говорю «бабуле»:

- Там на низу мужик в костюме вам приветик передавал.

- Твою мать... - сквозь зубы цедит Дмитрий, практически заталкивая меня в дверь.

Открываю рот, чтобы сказать ему пару ласковых и... так и остаюсь с открытым ртом.

Огромная прихожая похожа на фойе в цирке. Нет, наверное, в театре.

Свободное пространство, полированное дерево, сверкающая люстра, живые цветы в вазах, огромный белоснежный ковер.

С ужасом смотрю на свои уже нечистые носки.

- Даже не думай их снимать, - шипит Дмитрий, словно прочитав мои мысли.

- И не собиралась, - бросаю в ответ. – А бабуля что, актриса?

- Что? – Дмитрия даже разворачивает.

- Ну у вас все в цветах. Ей на концерте задорили что ли?

- Нет, я не актриса, - позади меня раздается прохладный голос. – Я люблю живые цветы и ежедневно заказываю их из салона.

- Понятненько, - прячу руки за спину, боясь дотронуться до чего-нибудь.

- Дмитрий, проводи нашу гостью в ее комнату и зайди ко мне в кабинет, - Нелли Эдуардовна гордо вскидывает голову и разворачивается. Десятисантиметровые каблукы ее модных туфель стучат по паркету, гулко отдаваясь под высоким потолком.

- Это твоя комната, - Дмитрий распахивает передо мной массивную деревянную дверь.

- Моя? – я не могу поверить своим глазам.

Огромное пространство тонет в бледно-розовых и персиковых тонах. Белоснежный ковер, занавески с вензелями, громадная кровать с витым изголовьем, пушистое покрывало. Кажется, что я попала во дворец из сказок.

В углу стоит вполне современный столик с ноутбуком. Надкусанное яблочко на его крышке намекает о цене.

- Располагайся, - опекун опускает мою сумку у входа. – Ланч в четыре часа в столовой.

- В какой еще столовой? – я разворачиваюсь, но Дмитрий уже успевает выйти и прикрыть за собой дверь.

Глава 5

Разворачиваюсь и бегло осматриваю комнату.

Понимаю, что у меня просто не осталось сил.

Внутри все дрожит.

Воспоминания и пережитые эмоции лавиной накатывают на меня.

Сажусь на кровать и закрываю лицо руками.

Так, надо привести мысли в порядок! Надо все хорошо обдумать!

ОН – мой опекун. Это плохо, это очень плохо! Хуже только то, что от одного взгляда на него, от легкого касания я вся дрожу. Не уверена, что это хорошо закончится.

Но! Он меня, кажется, не узнал и это хорошо.

Да он в ту ночь и не смотрел на мое лицо. Он исследовал другие части моего тела...

Чувствую, как вспыхивает лицо, а следом кровь огненной волной опускает вниз, будоража тело...

Мягкий полумрак и настойчивые мощные толчки. Раз за разом он завоевывает меня. Дико, без остатка.

Я выгибаюсь под ним, стараясь прижаться к горящему телу, пытаюсь вобрать в себя его жар.

Боли больше нет. Она затихла, уступая месту безумию в крови.

*Сколько длится наш марафон? Не знаю... Не уверена...
Длинные пряди намokли и облепили лицо.*

Под моими пальцами перекатываются его крепкие мышцы.

Замираю. Пытаюсь не дышать.

*Внутри в самом низу живота нарастает напряжение.
Толчок за толчком, оно увеличивается.*

Незнакомец замедляется. Его член скользит во мне осторожно и обжигаяще. Мне кажется, что головка вот-вот выскользнет из меня, пытаюсь сжать влагалище, не дать этому случиться.

Он замирает и вновь врывается в меня. Сильно, до основания.

Это становится финальной точкой.

Внутри словно взрывается что-то и бьет по оголенным нервам. Я вся сжимаюсь. Тело бьет крупная дрожь, выкручивая мышцы.

- Тише, малыша, тише, - он наклоняется и целует меня во влажный висок.

Едва затихают судороги, как я снова ощущаю его движения в себе. В это раз он движется быстро, резко, до боли впившись пальцами в мои ноги.

Я уже не понимаю, что происходит. Чувствую его в себе, но уже не могу различить скользжения.

Моя голова мечется из стороны в сторону.

- Погладь себя, - требует он хрипло.

Отпускаю его плечи и неуверенно поглаживаю свой живот.

Каждое касание словно током бьет.

Осторожно прохожусь подушечками пальцев вверх и вниз. Случайно задеваю напряженную горошину соска, и влагище снова сжимается, даря поистине ни с чем несравнимое наслаждение.

Обхватываю свои груди руками, мягко сжимаю, ловлю чувствительные горошины.

И тут же промежность зажигается новым приходом. Тело скручивает такая мощная судорога, что я не в силах сдержать крик.

Влагалище сжимается и пульсирует, обхватив мощный ствол.

Едва первая судорога прокатывается по моему телу, как я слышу хриплый мужской рык.

Чувствую, как он дрожит рядом. Чувствую, как сокращается его член во мне. Чувствую, как по бедру ползет обжигающая капля его спермы.

- Ты... был без презерватива? – эта мысль врывается в мое почти отключившееся сознание.

- Прости, малышка, с тобой я забыл обо всем. Умничка, - он целует меня. Быстро, едва касаясь губ. – Я возмещу ущерб твоему сутенеру.

- Что?! – я отталкиваю его от себя и скатываюсь с дивана.

Сладкая нега, минутой назад готовая усыпить меня, тут же исчезает.

– Повтори!

- Малышка, - в полумраке вижу, как он вальяжно садится на диване, подкладывая одну ногу под упругую задницу и выставляя на обозрение свое достоинство. Да, там есть что выставлять...

Нет! Нет!

- Я не проститутка! – слезы набегают на глаза.

- Да? – не вижу его глаз, но слышу иронию в голосе. – Перестань. Можешь больше не играть. Я знаю, что запретил своим друзьям «дарить» мне тебя. Но можешь передать им, что мне понравилось и я не сержусь на них. А твоя игра в невинность выше всяких похвал. Если бы я не знал, кто ты, я бы подумал...

Он отталкивается от дивана, поднимается и медленно движется ко мне.

- Нет! – кричу я испуганно. Злость, стыд и унижение кипят во мне.

Господи, я ведь знала, что чудес не бывает и сказок тоже...

Бросаюсь в угол к платью. Не разбирая, где перед натягиваю его на себя.

- Подожди, - слышу удивление в его голосе. – Ты уходишь?

- Да, - собираю всю волю в кулак. Плакать я буду потом. А объяснять ему что-то все равно бесполезно.

Он щелкает выключателем, и миг мягкий приглушенный свет разгоняет темноту по углам.

Отворачиваюсь, поправляя платье.

Слышу шорох его одежды.

Не оборачиваясь, медленно, но твердо иду к выходу. На это уходят последние силы.

- Подожди, - его ладонь перехватывает мою руку. – Ты забыла деньги.

Резко разворачиваюсь, собираясь влечь ему пощечину.

Моя рука замирает и опускается.

Я вижу перед собой прекрасное лицо с темными горящими страстью глазами, в которых можно потерять себя. Чувственные губы блестят и манят. Темные пряди растрепались, но не испортили вид.

Перевожу взгляд на его руку, что удерживает меня.

Он разжимает пальцы.

- Ты ничего мне не должен, - чеканю каждое слово и дергаю ручку.

Глаза снова начинает щипать от невыплаканных слез и унижения. Полгода ничего не изменили. Сердце грохочет в груди.

Пытаюсь растереть лицо, но руки дрожат.

Только этого не хватало!

Надо успокоиться!

А для этого надо покурить! Я весь день без сигарет.

Лезу в сумку, слава богам, пачка на месте и даже сигареты не сломались.

Вылавливаю на дне сумки зажигалку. Распахиваю окно.

Сигарету в рот. Щелчок кремния. И затяжка.

Терпкий горячий дым быстро обжигает горло и проникает в легкие. Закрываю глаза и выпускаю дым через нос.

Это помогает успокоиться. Чувствую, как замедляется сердце. Как вскипевшая минуту назад кровь стихает в венах.

Все хорошо, Люсь!

Меня не нашел Эдик.

Я добралась до Москвы.

Я попала в этот дом.

Катя, ты можешь мной гордиться...

А то, что Дмитрий – мой опекун и мой бывший любовник... Так это временные трудности...

Противный писк заставляет меня открыть глаза.

Не успеваю этого сделать, как писк превращается в оглушительный вой и с потолка начинают литься потоки ледяной воды.

Твою мать!..

Сжимаюсь в комок на подоконнике, обхватив себя за ноги.

Дверь с грохотом распахивается.

На пороге застывает Дмитрий.

Его взгляд быстро пробегает по комнате. Он поднимает лицо к потолку, с которого льются потоки воды из системы

пожаротушения. Темные брови хмурятся.

Последней под его тяжелый взгляд попадаю я.

Он проходится по моей сгорбленной фигуре, замершей на подоконнике, и останавливается на дымящейся сигарете в моих пальцах.

Голубые глаза впиваются в меня, отчего меня обдает холодом, темные брови грозно сходятся на переносице, а красивое лицо дышит гневом.

Попала!

Замечаю за его спиной толпящихся людей. Кто они?

Несколько девушек и парень. Среди перепуганных и удивленных лиц белеет невыразительное лицо кухарки.

Все они вытягивают шеи, стараясь заглянуть в мою комнату.

Замечаю на всех форменную одежду. Прислуга! Сколько же ее в этом доме?

- Игорь, выключи сигнализацию и позвони вниз, пока к нам не приехал пожарный расчет, - резко бросает Дмитрий через плечо.

Не оборачиваясь и не заботясь о подсматривающих, он с силой толкает дверь за своей спиной. Она с грохотом захлопывается, едва не щелкнув по носу прислугу.

Всего в несколько широких шагов он пересекает комнату и останавливается передо мной.

Я сжимаюсь под его тяжелым взглядом и нависающей надо мной фигурой.

Он замирает так близко от меня, что даже одежда и холодные потоки воды не способны скрыть жар его тела.

Чувствую его гнев и мощь. Боюсь поднять взгляд. Привычным жестом поигрываю сигаретой между пальцев.

Он перехватывает мою руку. Наблюдаю, как по его руке вниз сбегает крупные капли, как они срываются и летят в неизвестность.

Другой рукой он выхватывает сигарету, бросает ее на пол. Рывком он сдергивает меня с подоконника и тянет на выход.

- Я... Я все отработаю, - почти шепотом говорю я, боясь оказаться за дверью босиком и в мокрой насквозь одежде. Я не сопротивляюсь. Зачем? Я реально виновата.

Краем глаза замечаю мокнувший под потоками ноут. Вырываю руку и бросаюсь к нему.

Хватаю дорожную технику и пытаюсь спрятать под мокрой кофтой, едва я его переворачиваю, как мне на ноги выливается порция воды.

Слезы отчаяния набегают на глаза. Слава богам, что вода с потолка скроет их.

Не успеваю подумать об этом, как весь этот ледяной поток прекращается.

Я переступаю мокрыми ногами по насквозь мокрому ковру, прижимая к себе испорченный ноут.

И все-таки слезы бегут по моим щекам. Две горячи дорожки.

- Прости...те...

- Брось его.

- Кого? – я плотнее прижимаю к себе испорченную технику и хлюпаю носом.

- Ноут. Брось его. Это уже мусор.

- Не могу, - всхлипываю и закусываю губу. Слезы нескончаемым потоком бегут по щекам.

Чувствую, как его пальцы касаются моего подбородка и медленно поднимают его.

Всхлипываю и моргаю, стараясь смахнуть слезы отчаяния.

Он практически заставляет меня взглянуть в свои глаза. Небесно-голубые, глубокие и такие непонятные. На самом их дне разгораются искры, но я не могу понять, что это. Темные зрачки расширяются, добавляя взгляду глубины и власти.

- Я отработаю, - снова шепчу я, сама не зная зачем.

- Обязательно отработаешь, - его голос становится низким и хриплым. Его дыхание обдаёт меня и замирает на моих губах.

Так близко, так маняще...

Я бы хотела вырваться, убежать, спрятаться от пожирающей меня глубины его глаз. Но его пальцы держат мой подбородок осторожно, но крепко.

Когда он рядом, я не могу мыслить здраво, не могу противиться тому, что рождается внутри.

Я бы хотела ненавидь и презирать его всей душой, но не могу... Что-то манит меня к этому мужчине. Кожа вспыхивает от его прикосновений, дыхание сбивается, стоит мне ощутит его дыхание на своей коже.

Меня начинает бить крупная дрожь. Мне одновременно и жарко, и холодно.

Я вижу в горящих напротив меня глазах отражение своих чувств и даже больше...

Покачиваюсь вперед, боясь и желая упасть в его объятия. В мое сознание врывается громкий стук. Стук каблуков по паркету.

Он отрезвляет и Дмитрия. Его пальцы отпускают мой подбородок. Такие манящие и опасные искры в глазах гаснут.

Он делает пол шага назад.

Дверь распахивается. На пороге замирает «бабуля».

- Дмитрий, что здесь произошло? – требует она ответа, оглядев комнату.

- Недоразумение, - отвечает мой опекун, не задумываясь.

- Вот как? – темная бровь ползет вверх. Но новых вопросов «бабуля» не задает. – Екатерину переселить в голубую спальню. Здесь все выбросить и подготовить комнату к ремонту.

Она резко бросает приказы, разворачивается и уходит, подарив мне проницательный взгляд.

- Женя, вы слышали мою мать? – Дмитрий разворачивается.

- Да, - на пороге замирает высокая эффектная брюнетка в сером платье.

- Выполняйте, - бросает опекун и уходит вслед за матерью, не говоря мне ни слова.

Глубоко вздыхаю.

- Идемте, - девушка разворачивается и, не заботясь, иду я следом или нет, шагает по коридору.

Да что это за дом такой, где все отдают приказы?

Даже в детдоме у меня было больше свободы!

Глава 6

Девушка распахивает передо мной дверь, не успеваю я шагнуть в комнату, как она придает мне ускорения.

Толчок в спину становится неожиданностью. Делаю несколько торопливых шагов, пытаюсь сохранить равновесие.

Позади хлопает дверь.

Оборачиваюсь. По милому и услужливому секунду назад личику расползаются брезгливость и злость.

- Если, ты, сучка, будешь лезть к моему парню, я тебя придушу, поняла? – шипит она.

Приехали! А кто твой парень?

- Это тот, который... Игорь? – вспоминаю единственное мужское имя, которое слышала за сегодня.

Губы девушки кривятся, глаза вспыхивают бешенством.

- Это тот, который Дмитрий, - передразнивая меня, она выдает шокирующую новость.

Интересно, очень интересно.

- А он хоть знает, что ты его девушка? – я приподнимаю бровь.

- Не твое дело, - дерзит она.

- Ну почему же? – напряжение отпускает меня. Какая-то столичная чика, работающая на побегушках у «моей семьи» мне не страшна. И не таких обламывала.

Она делает шаг мне навстречу.

- Я тебя предупредила, дрянь. Не слушаешь – пожалеешь, - шипит она.

- Да? И кто заставит меня пожалеть? Ты что ли? Или сам Дима? – я отбрасываю на кровать ноут и складываю руки на груди.

Она делает еще один шаг ко мне. Глупо. Очень глупо.

Останавливается совсем рядом.

- Я тебя уничтожу! Превращу твой визит сюда в ад. Ты будешь бежать отсюда в свой Мухосранск, сверкая пятками, и радоваться этому. Потому что я...

- А теперь послушай меня, подруга, - кладу руку ей на плечо.

Ее глаза сверкают ненавистью, но лишь на мгновение. Затем в них появляется боль.

Я загоняю свой большой палец ей под ключицу и заставляю рухнуть передо мной на колени. Старый испытанный прием.

- Я ни на что не претендую, кроме того, что мое по праву. И если ты не в курсе, я – племенная внучка Нелли Эдуардовны. Дима - мой дядя.

На хищном личике сквозь боль проступает удивление. Так, прислуга не в курсе господских дел. Интересно.

- Себя обижать я не дам никому, тем более такой пигалице как ты. Усекла?

Она молчит. А я нажимаю сильнее. Она вздрагивает и ску-

лит.

- Усекла?

Она неуверенно кивает.

- И это я могу твою жизнь превратить в ад, а не ты мою. Потому что в земном аду я уже бывала несколько раз. Вряд ли у тебя хватить фантазии придумать что-то новое. И еще. Закатай губу, Дима не для тебя. Это тебе так, дружеский совет. А теперь брысь отсюда.

Отдергиваю руку и слышу громкие хлопки.

Поднимаю взгляд и встречаюсь с потемневшими глазами. Его глазами. Замираю на месте. Рядом все в той же позе, стоя на коленях, замирает Женя.

Отлепившись от дверного косяка, Дмитрий продолжает громко хлопать. Его лицо – непроницаемая маска.

- Я вижу, ты устроилась на новом месте. Женя, в мой кабинет.

На несколько томительных секунд повисает звенящая тишина.

- Живо! – командует опекун.

Девушка вскакивает и уносится.

- Будешь ругать? – смотрю, гордо вскинув подбородок. Уж что-что, а встречать наказания гордо я умею. Спасибо воспитателям!

- Нет, - он качает головой. – За что?

- За то, что повредила твою игрушку, - бросаю небрежно, а на самом деле хочу ужалить его сильнее. Сама не знаю по-

чему.

- Игрушку? – он удивлен. – Женю? Хм, она...

Он умолкает, не находя слов. А я чувствую, что попала в точку.

- Скажешь, ты не играл с ней? В босса и подчиненную? Хозяина и горничную? В...

- Хватит! – грозный рык, обрывает меня на полуслове. – Тебя это не касается!

- Меня это касается, пока такие вот Жени будут пытаться зажать меня по углам. Ты просто скажи мне, сколько их в твоём доме. Я хоть буду знать. А то пойду ночью в туалет, а они меня того...

- Я с этим разберусь!

- Конечно, разберись, - я вдруг вспоминаю надменное выражение лица его матери, когда она отдавала распоряжения прислуге.

Пытаюсь повторить его. С удивлением и радостью замечаю, как меняется лицо Дмитрия. Как на его щеках вспыхивает румянец. Как расширяются от удивления его глаза.

Он разворачивается на каблуках и широкими шагами направляется на выход. Молча.

Я выдыхаю.

На пороге он останавливается.

- Не племенная.

- Что? – не понимаю, о чем он.

- Не племенная внучка, а внучатая племянница.

- Да по фигу, - машу рукой.

В ответ получаю долгий пронзительный взгляд. Кажется, что он сканирует, пробирает меня до печенок.

- Ты принципиально не собираешься говорить правильно?

- Неа, - я вытягиваю губы и пропускаю между носом и оттопыренной губой прядь розовых волос.

Вид дебильный. Но это старая привычка.

Еще один долгий взгляд. И это мне совсем не нравится. Голубые глаза темнеют, брови сходятся на переносице.

- Мы не встречались раньше?

Приехали!

- Алле, Дима! Мы с тобой весь день только и делаем, что встречаемся! – стараюсь изобразить глупую улыбку.

А внутри все дрожит от страха.

Он хмурится.

- Через полчаса ленч, не опаздывай, - он все-таки выходит, прикрыв за собой дверь.

«И не забудь наказать Женю», хочется крикнуть ему вслед. Но я сдерживаюсь.

Обхватываю себя руками. Мне реально холодно.

Скидываю мокрые вещи. К своему удивлению нахожу ванную прямо за соседней дверью, в комнате. Вот это да!

Мне хватает двадцати минут, чтобы привести себя в порядок и переодеться.

Старые шорты и футболка напоминают о доме, как и домашние тапочки с цветными гольфами.

Выскальзываю из комнаты. Крадусь по коридору, размышляя, где искать столовую.

- Госпожа Екатерина желает отобедать? – гремит совсем рядом.

- Еп твою мать, - не могу сдержать ругани.

Прямо передо мной стоит мужчина средних лет в форменной одежде. Его руки прижаты к бедрам, вытянутые по швам.

- Ты чего подкрадываешься? – я хватаюсь за сердце.

Он смотрит на меня в немом изумлении, слегка приоткрыв рот.

- Желает, желает, - я понимаю, что сейчас мужик зависнет и надо срочно что-то делать. Хватаю его за руку и тяну. – Показывай, где у вас тут жрут.

Он молча и услужливо ведет меня вперед. Мы проходим несколько комнат, коридор и останавливаемся у двустворчатой двери.

Мужчина берется за ручки и распахивает передо мной двери.

- Прошу.

Бодрым шагом захожу в столовую и понимаю, что сейчас что-то будет.

Огромный стол заставлен блюдами и различной едой. Откуда-то с потолка льется тихая музыка.

Дмитрий с матерью о чем-то живо разговаривают. И когда он успел обсушиться и переодеться? Удивительно, как идет

ему темная рубашка, подчеркивая широкие плечи и пронзительную голубизну его глаз.

Рядом сидит «бабуля». Строгий деловой костюм она сменила на струящееся платье.

На шее появилось колье, переливающееся в ярком искусственном свете. Она точно дома собралась ужинать?

- Приятного аппетита, - я замираю у входа, переступая с ноги на ногу.

Собеседники отрываются от разговора и замечают меня.

Глаза Нелли Эдуардовны увеличиваются до неприличных размеров и выкатываются почти на лоб.

Ее накрашенные алой помадой губы приоткрываются, но звука нет. Онемела...

Дмитрий бегло осматривает мой наряд, на несколько секунд дольше необходимого остановившись на моих голых ногах.

Я кожей чувствую, как он поглаживает их взглядом. На хрен я нацепила эти шорты? Одергиваю их руками.

А глаза опекуна темнеют. Смесь жгучего интереса и любопытства разгорается в них.

Чувствую, как по телу пробегает толпа мурашек.

Уголки его губ ползут вверх, хотя он и старается сохранить серьезное выражение на лице.

Меня немного отпускает. Может, и поесть дадут?

- Хм, кажется, я забыл предупредить Катю по поводу нарядов.

Его мать уже вполне пришла в себя. Ее лицо выражает холодное безразличие как и днем.

- Прошу, Екатерина, присаживайтесь.

Я осторожно усаживаюсь на краешек стула рядом с ней.

- Расскажите нам о себе?

- Что?

- Все. Нам интересно абсолютно все, правда, Дмитрий?

Я не поднимаю глаза от пустой тарелки, но чувствую на себе два тяжелых изучающих взгляда.

- Да, - вздрагиваю от глубокого мужского голоса. – Например, о чем ты думала, когда садилась в поезд?

Я все таки поднимаю взгляд, и свожу брови в немом вопросе.

- Или ты думала, что мы не узнаем? Глупо!

Гулко сглатываю. Страх резко поднимается внутри.

- тебе нужны деньги?

Они все узнали? Они поняли, что я самозванка?

Руки немеют. Мне резко перестает хватать воздуха. Холодный пот струится по спине.

Я открываю рот, чтобы рассказать все как есть.

- Почему ты ехала в плацкарте, а не в СВ? – звенит высокий женский голос. – Зачем сдала билет?

- Мне нужны были деньги, чтобы заплатить за квартиру, купить кое-что в дорогу, - я выдаю это все на одном дыхании, боясь поверить в свою удачу. – Кое-что по мелочам.

Нелли Эдуардовна изящным жестом подхватывает пуза-

тый бокал с темной жидкостью.

А я не свожу глаз с Дмитрия. Сейчас, мне кажется, все зависит от того, поверит он мне или нет.

Руки подрагивают.

- Ты могла позвонить мне или адвокату и попросить.

- Я никогда ни у кого ничего не просила. И в будущем не собираюсь, - говорю негромко, но твердо, чеканя каждое слово.

Он сверлит меня сердитым взглядом. Но я не отвожу глаз.

Несколько секунд длится наше молчаливое противостояние. Его глаза темнеют, заполняясь вспыхнувшим зрачком. Ноздри нервно трепещут. Губы сжимаются в линию.

- Давайте выпьем за встречу, - словно разрезая электрические разряды между нами, раздается холодный голос «бабули».

Она элегантно жестом подзывает мужчину в форме.

Тот, не медля, заполняет мой бокал рубиновой жидкостью.

Я лишь на секунду перевожу взгляд на свой бокал и возвращаюсь к опекуну. Но он тут же подхватывает свой бокал.

- За встречу! – он поднимает пузатый бокал.

Следом свой поднимает «бабуля».

Я обхватываю бокал ладонью, боясь уронить, и поднимаю, чтобы «чокнуться» со «старшими».

Подношу тонкое стекло к губам, делаю большой глоток.

Теплая терпкая жидкость прокатывается по горлу и остав-

ляет на языке кислющие послевкусие.

Не могу сдержаться и корчу рожу. Даже глаза зажмуриваю и высовываю язык.

- Что-то не так? – слышу тревогу в голосе опекуна.

- Бе, как вы пьете эту кислятину? Фу!

- Кислятину? – Нелли Эдуардовна не столько удивлена, сколько возмущена.

- Ага! Это ж отрава! Фу!

- Это «Курни»! – поправляет меня «бабуля».

- Милейший! – я поворачиваюсь к мужчине в форме. – А у вас пивка не найдется?

- Пива?... - ну опять у него такой вид, словно его сейчас инсульт шархнет.

Я что непонятно говорю?

Мужчина смотрит мимо меня, ища поддержки и ответа у моей семьи.

- Все хорошо, Александр Витальевич, - звучит спокойный голос Дмитрия. – Принесите нашей гостье пива.

- Дмитрий! – ну вот опять в голосе бабули звенит что-то такое похожее на возмущение.

- Мама.

Я перевожу взгляд с Дмитрия на «бабулю» и обратно.

Ох, как много всего. Жаль я не могу всего понять. Но тут и гнев, и ирония, и просьба, и приказ, и волевая твердость.

Александр как-там-его-по-батюшке уходит, но тут же возвращается с подносом. На нем гордо возвышается одна! бу-

тылка пива и барный бокал.

- Спасибо! – подхватываю бутылку.

Успеваю заметить священный ужас на лице Александра, забыла как его там.

- Ну за встречу! – салютую и прикладываюсь губами к прохладному темному стеклу.

О, напиток богов.

Пшеничный мягкий напиток ласкает мои вкусовые рецепторы, нежно прокатывается по небу и опускается в желудок, разнося по крови ликование.

- Отпадная штука! – слишком громко ставлю бутылку на стол. Даже бокалы звенят.

Следом раздается грохот.

Это что, «бабуля» рухнула?

- Ну это уж слишком!

А нет. Это рухнул ее стул.

Она так резко вскочила, что он не успел отодвинуться.

- Екатерина, марш в свою комнату! – ее голос звенит от ярости.

Ее темно-голубые глаза, обращенные на меня, мечут молнии, идеальные темные брови сведены на переносице.

Ох, чувствую, мне будет нелегко.

- Как скажешь, бабуля! – подхватываю бутылку с пивом и резво несусь на выход.

А то отберут.

Глава 7

- Вот этот, - тычу пальчиком в палетку.

В аккуратных руках маникюрши сверкает многообразием россыпь цветных ногтей.

- Уверены? – замечаю на ее лице неуверенность и удивление.

- Ага. Супер! – я не могу сдержать восторга.

Сегодня один из лучших дней в моей жизни.

Сначала завтрак в какой-то навороченной кофейне с ма-
липусенькими чашечками кофе и такими же крохотными
пирожными. Хорошо, что меня не ограничивали в количе-
стве.

А вот теперь мы сидим в салоне красоты. Недешевом, я
должна сказать. И все девушки бегают и крутятся только во-
круг нас.

- Екатерина! – вздрагиваю от ледяного холода в голосе
«родственницы».

Да что опять не так?

Нелли Эдуардовна с каждым днем становится все строже
и язвительнее. Каждый ее взгляд способен испепелить. Каж-
дое слово – убить на месте!

Ох, Катя, ну и «бабуля» тебе досталась!

- Даже не думай, - она наклоняется и вырывает из моих
рук палитру, переворачивает страницу и тычет идеальным

пальчиком в целый ряд одинаково унылых оттенков.

- Вот!

- Нет! Я буду как бледная поганка! Как покойница с такими ногтями, - говорю и прикусываю язык.

Идеальный ноготок «бабули», нервно сучащий по плотному картону, как раз такого цвета. Цвета скучной неизбежности.

- Просите, - шепчу я под ее гневным взглядом.

- Значит, решили. Вот этот, - он указывает на один из цветов.

- А можно мне на ногах покрасить тем? – надежда еще не умерла во мне. Поднимаю молящие глаза на нее.

Идеальная фигура, идеальная осанка, идеальный светлый брючный костюм и высокие каблуки.

- Каким «тем»? Кислотно-зеленым или неоновым розовым? Может, электрик? – ее голос звучит ровно. Не вижу подвоха.

- Ага, - киваю с радостью.

- Ни в коем случае, - отрезает она. – Девушка, на ногах классический френч.

- Отлично, - бурчу про себя.

И снова получаю гневный взгляд ярко-голубых «бабулиных» глаз.

О, педикюр, маникюр и массаж стоп сглаживают разочарование от выбранного не мной цвета лака.

Несколько чудесных часов я провожу в уютном кресле, а

вокруг меня суетятся работницы салона.

Пока я с кислой миной на лице разглядываю бледно-розовое уныние на своих руках и скучный френч на ногах рядом возникает «бабуля».

- Какой у тебя размер ноги? – она не спрашивает, она требует ответа.

- Тридцать четвертый.

- Кошмар, - ее глаза округляются.

- А, - машу обреченно, - я привыкла. В детском мире всегда есть мой размер.

Она почему-то хмурится, не оценив моей шутки.

- Екатерина, это катастрофа! – восклицает она.

- Почему? – я вытягиваю ножку и разглядываю ее. Очень даже ничего.

Катя меня всегда называла Золушкой. И смеялась, что я когда-нибудь найду своего принца.

- Потому что через неделю, у меня юбилей. Ужин в лучшем ресторане, гости, платья от именитых кутюрье и бриллианты от Картье. А ты собираешься пойти в детских туфельках?

- Ну да.

- Это катастрофа, - она прикладывает пальцы к вискам.

- Да, ладно. Я могу и не ходить... - слова застревают у меня в горле от ее гневного взгляда.

- Екатерина, чтобы я такого больше не слышала, - гневно отчитывает она меня. – И вообще, лучше бы я тебя слышала

реже...

Последнее она скорее бурчит себе под нос.

- Девушки, а ее волосами вы собираетесь заниматься? – Нелли Эдуардовна оборачивается к замершим девушкам и те начинают носиться по салону, натываясь друг на друга.

- А что не так с моими волосами? – я подхватываю длинную прядь и разглядываю розовый кончик.

- Цвет! – чеканит «бабуля».

- Мне нравится цвет!

- А мне нет!

- Нет! – тут я настроена решительно. – Мне нравится мой цвет. И ничего менять я не дам!

- Господи! За что мне такое наказание? – приложив руки к груди, восклицает «бабуля».

- За все хорошее, что ты сделала миру, - от глубокого голоса мурашки пробегают по моей спине.

- Дмитрий! – Нелли Эдуардовна улыбается сыну вымученной улыбкой и наклоняет голову, позволяя ему поцеловать ее.

- Воюете? – он не спрашивает. Он знает ответ.

- Она невыносима!

- Девушки, кто будет заниматься Екатериной? – опекун оборачивается.

Одна из девушек делает шаг в нашу сторону.

- Я не буду красить волосы! – заявляю резко. Девушка замирает, как вкопанная.

- Будешь, - опекун говорит негромко, но твердо.

- Нет.

- Екатерина, - он надвигается на меня. А я пытаюсь вжаться в кресло.

В этом салоне, среди розовых кресел, маникюрных столов и журнальных столиков он выглядит пугающе. Высокий мужчина с очень широкими плечами и сверкающими ярко-голубыми глазами.

Он подходит совсем близко. Через тонкую ткань брюк ощущаю его крепкие бедра, замершие между моих ног.

Он наклоняется и опирается на подлокотники двумя руками. Его лицо оказывается на уровне моего. Но от этого только хуже.

Я вся дрожу внутри. Дыхание сбивается, вдоль позвоночника пробегает холодок.

- Екатерина, - говорит он почти мягко. – Ты сейчас же встанешь и пойдешь с этой девушкой. Сядешь и дашь сотворить с собой все, что только пожелает моя мама. Тебе ясно?

С каждым новым словом его голубые глаза разгораются ярче. Его голос сквозит уверенностью.

Горячее дыхание касается моего лица. Через тело словно электрический ток пропустили. Вздрагиваю и сжимаю ноги, касаясь его бедер.

От этого легкого касания кожа вспыхивает, а низ живота томительно ноет.

Люся, возьми себя в руки, дура чертова!!!

- Ты меня поняла? – он не собирается оставлять меня в покое, пока не получит ответа.

Я вся дрожу. Закусываю губу. Сжимаю ладони в кулаки, только бы не коснуться его щеки.

Темные короткие волоски уже пробились на его щеках. Какие они на ощупь?

Жесткие и так щекотно колют ладони. Я помню... Я все еще это помню.

И ТАМ он тоже бритый и слегка колючий...

Чувствую, как вспыхивают щеки, кровь стучит в висках. Жар разливается по телу, сметая напряжение и разнося возбуждение по венам.

Перевожу взгляд на его губы. Пухлые, блестящие, слегка приоткрытые. Сглатываю.

Напряжение между нами нарастает. Кажется, его чувствуют все в этом чертовом зале.

- Хорошо, - шепчу я. Лишь бы отошел. Лишь бы не касаться его, не чувствовать его запах.

- Отлично! – он легко отталкивается от кресла.

Но в его глазах на самом дне я замечаю разочарование. Мной? Ситуацией?

Чего он ждал? Что я буду сопротивляться? Или что я его поцелую?

- Прошу, садитесь, - вокруг меня суетится молодая девушка. Наверное, моложе меня.

- Давай оставим все, как есть, - почти шепчу я. – Скажешь,

что краска не легла, а?

Ее личико из милого и услужливого тут же становится резким.

- Вы что? Нелли Эдуардовна дала четкие указания на счет цвета и длины...

- Еще и длины? – я удивленно хлопаю глазами.

Она молчит, делая вид, что занята моими волосами.

- Ну хотя бы розовый оттенок мы можем добавить? Со-
всем чуть-чуть? Пожалуйста-а-а.

Она неуверенно косится на «бабулю», которая мило беседует с хозяйкой салона.

- Ну... только если в виде корректора желтизны... - девушка явно не уверена.

- Отлично, ненавижу соломенный цвет, - откидываюсь в кресле и довольно жмурюсь. Я кое-что придумала. Лишь бы прокатило. – Давай, разводи свои краски.

Девушка удивленно косится на меня, но все же разводит все необходимое.

Я не очень люблю все эти покраски и завивки. Кроме эксперимента с оттеночной маской, я и волосы то не красила. А вот Катя жить не могла без краски для волос. Поэтому процедуру я себе отлично представляю. Сначала осветлить – выровнять цвет. Потом затонировать.

Радостно потираю ладошки под накидкой.

Еще пара часов проносится. Я сижу как на иголках.

Не успевает девушка промыть мои волосы от осветлителя,

как я уже тащу ее к креслу продолжать покраску.

Ее лицо снова удивленно вытягивается, но она молчит.

Баночки, тюбики и флакончики выстраиваются в ряд. На свет извлекаются весы.

- А это что? – я заглядываю ей через плечо.

- Это краска.

- А цвет какой?

- Нордический блонд.

- А это? – тычу пальчиком в другой тюбик.

- Это пепельный блондин, - она пытается быть милой. Но я замечаю в зеркале судорогу, которой сводит ее лицо от фальшивой улыбки.

- А это что? – продолжаю атаку, прикидываясь полной душой.

- Это корректор желтизны, розовый, как вы просили.

- А вот это?

- Это тоже корректор, только фиолетовый. Я их смешаю для более ровного цвета.

- Круто! А вот это? – придвигаюсь ближе и «случайно» задеваю огромную бутылку с густым белым содержимым.

- Это окислитель. Ай! – восклицает девушка и пытается ее поймать. Но поздно.

Бутылка летит на пол и целый литр дорого окислителя растекается некрасивым пятном по полу и драпирует брызгами все вокруг.

- Простите, - я пытаюсь изобразить сожаление. Но у меня

всегда плохо получалось. И сейчас не получилось. Потому что девушка смотрит на меня почти с ненавистью.

- Ничего, - бурчит она сквозь зубы. – Сядьте, пожалуйста, на кресло. Я сейчас все уберу и мы начнем!

Понимающе киваю. Но стоит ей развернуться и сделать пару шагов, как я молнией бросаюсь к столику. Хватаю одно-разовое полотенце и делаю вид, что пытаюсь вытереть окислитель.

А сама другой рукой выдавливаю в миску с краской розовый корректор.

Как там говорила Катя, один сантиметр пасты, максимум два? Значит мне надо сантиметров пять-десять. Да, десять будет самое то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.